Станет ли Дмитрий Воронин «Дёгтевым сегодня»?

Покойного Вячеслава Дёгтева знали все – при том, что в его прозе не числилось произведений эпохальных и не так много было по-настоящему блестящих. Нередки рассказы не совсем удачные, «ещё бы чуть-чуть, и шедевр», но этого «чуть-чуть» порой и не хватало…

Однако было главное: некое раздирающее воздух напряжение, с силой взрыва долетающая до самых дальних концов страны решимость пробиться во что бы то ни стало, доказать, что всё-таки в России русский писатель может, может вопреки всему…

Признаюсь, каждую новую публикацию Дёгтева – сопровождалась ли она фотографией его напряжённого лица или нет – мне было раскрывать страшновато, словно он лично меня всякий раз в чём-то обвинял или уличал: «вот, ты жалуешься, скулишь, что всё схвачено не нашими, что ничего невозможно, а я – гляди – могу… Могу!»

Такое же чувство у меня возникает сегодня при чтении рассказов Дм. Воронина: да, и он смог, и он пробился, несмотря ни на что…

В связи с В.Дёгтевым и Д. Ворониным задумываешься о том, что же такое известность и слава, и приходишь к выводу, что это – вовсе не оценка в каком-то наиболее авторитетном (чаще всего, западном или про-западном) источнике. Хотя на западную реакцию сослаться проще всего, и так делают почти поголовно все историки, описывая, например, взятие Суворовым Измаила. Дескать, «все английские, французские газеты пестрели сообщениями…» Ссылки на далёкие зарубежные источники помогают показать непомерность успеха, но качество успеха должно содержаться в самом событии, а не в его внешней оценке. Потёмкин, поручая Суворову почти невозможное (взятие крепости Измаил), явно пытался подставить Суворова, а, когда невозможное всё-таки удалось, это поразило, во-первых, саму русскую армию, во-вторых – турецкую, а уж, в-третьих, далёкие европейские газеты.

Вот и проза Дёгтева, Воронина несёт успех, прежде всего, внутри себя самой, а от того, будет ли упомянут этот успех в том или ином про-западном издании, ничего не зависит – хотя, если глядеть издалека, можно увидеть всё наоборот: далёкое, мол, признание и означает успех.

Итак, я уподобил Воронина Дёгтеву, и уподобление это, возможно, не вызовет восторга у самого Дмитрия Павловича. Куда более решительно и беспроигрышно поступил критик Вячеслав Лютый, сравнивший Д. Воронина с Зощенко; правда, потом В.Лютому понадобилось добавлять довольно много соображений чтобы выпутаться из этого сравнения. Дескать, сатирики-юмористы, но насколько же разные, и времена какие разные: Зощенко, мол, ничего не мог открыто сказать, а только эзоповым языком…

В итоге непонятно: в чём же сходство-то Воронина и Зощенко?

Для тех, кто не читал Дм. Воронина или читал не всё: основная масса его рассказов – о неустроенности современной сельской жизни в России, с наложением на эти объективные трудности такого субъективного фактора как пьянство (или он тоже объективный?) К современной сельской разрухе в России я не хочу применять термин «трагизм», хотя сплошь и рядом доходит и до трагедии, а рассказы Воронина о нищих читать просто страшно. И всё-таки во время чтения его книги «Душевные пляски» у меня возник соблазн: подсчитать, в каком количестве рассказов из сорока, включённых в эту книгу, драматизм усугубляется (а может быть, и вызывается) пьянством?

Подсчитывать в итоге я не стал, хотя пьянство фигурирует явно более чем в половине рассказов. Некоторые из них уже стали хрестоматийными, так, рассказ «Миротворец» повествует о некоем псевдо-герое, который в пьяном виде неоднократно порывался поехать то в Югославию, то ещё в какие-то горячие точки, но характерно, что наутро он ничего не помнит. Под хохот собравшихся жена «миротворца» рассказывает, как вчера он опять приказал ей «собирать его на войну», но при этом почему-то был в одних трусах и едва не падал с ног.

Читая такие рассказы, порой начинаешь опасаться, что Воронин скатится в жанр «особенностей национальной рыбалки», «охоты» и прочих произведений, созданных явно на экспорт. Но этого не происходит, прозаик удерживается где-то на самом краю, всё-таки оставаясь автором прозы тяжёлой, но не скандальной.

Где проходит эта грань между хохмачеством и (если можно так выразиться) серьёзным смехом – определить трудно, но её, пожалуй, чувствуют сами переводчики-иностранцы, избегающие браться за «клюкву», но, порой, успешно доносящие до своих читателей то, что нам кажется абсолютно непереводимым и рассчитанным только на понимание соотечественника.

Здесь уместно сказать о «регалиях» Воронина или просто о его успехах. Для автора 1961 года рождения написал он немного: кажется, всего меньше сотни коротких рассказов, но публиковались они в таком количестве изданий, что перечислить их нет возможности. Вот лишь публикации 2017 года: «Молодая Гвардия», №4; «Огни Кузбасса», №4; «Немига литературная» (Минск), №2. Публикации 2016 г.: «Великоросс», №2; «Невский альманах», №1;«Нева», №3; «Отчий край» (Волгоград), №1; «Берега», «Балтика», «Молодая Гвардия», «Северо-Муйские огни»… В 2016 г. Воронин получил первое место на конкурсе-фестивале «Русский стиль» (Германия) в жанре малой прозы, награду вручали в Москве в Доме Русского зарубежья им. Солженицина...

Должен ли я в этой небольшой статье пересказывать прозу Воронин? Наряду с «Миротворцем», хрестоматийными стали такие его трагические рассказы как «Товар», «Ильич», «Такси», «Жизнь и похороны бабы Насти», «Туман». Гомерический смех вызывают юмористические рассказы «Поздняя месть», «Лось», «Диспут», «В Париж». Есть рассказы сложные, «вне категорий»: «Крохобор», «Дурочка», «Гиблое место», «Воздушный шарик»…

Рассказ «Товар» о том, как пьяница-мамаша превращает в проституток двух своих дочерей, сначала старшую (четырнадцати лет), а потом, когда клиенты захотели «совсем свеженькую девочку», и младшую дочь – двенадцатилетнюю. Увидев это наутро, 14-летняя дочь уводит младшую сестрёнку из дома, где спит пьяная мать и её друзья-клиенты, и, облив дом бензином, поджигает его.

Среди клиентов нет иностранцев (например, кавказцев); можно сказать, перефразировав Пушкина, что в рассказе описан «спор русских между собой» - от этого новелла делается ещё страшнее.

Державную тему затрагивает рассказ «Красная площадь», стоящий того, чтобы его пересказать. Это фантастический рассказ о том, как воспринимают современные концерты поп-музыки на Красной площади те, кто похоронен возле Кремлёвской стены и в Кремлёвских соборах.

Не забудем: Кремлёвская стена это кладбище, и к находящимся там могилам, как это и должно быть, возлагают цветы; одновременно Красная площадь – и место регулярных весёлых концертов по праздникам. Противоречие это и обыгрывает Воронин, показывая, как воспринимают эти концерты души Ленина, Сталина, Ивана Грозного и других. Захороненные в Кремле царицы, царевны млеют от Билана, Киркорова и Баскова; Ленину почему-то особенно нравится Борис Моисеев:

«– А? Что? Кто поёт? Борюсик? – встрепенулся на кирпичном зубце Ильич.

– Спи уж, – махнул на него рукой Иосиф, – разбужу на Борюсика…»

Чтобы узнать, существует ли в других странах такая вещь как концерт на кладбище, призывают дух похороненного здесь же Гагарина, который после своего космического полёта объездил весь мир. Ответ первого космонавта дипломатичен: кое-где, да, кладбища соседствуют с местами развлечений, а одна из индийских религий вообще превратила похороны в торжество. Дух Ивана Грозного, впрочем, этим объяснением не удовлетворён, и, пожалуй, недовольство то ли этими концертами, то ли всей современной поп-культурой России перевешивает, – таков, в целом, итог рассказа.

Воронин в «Красной площади» показывает некий парламент живых и мёртвых знаменитостей; читать рассказ интересно, и мы чувствуем, что он написан равным о равных! Воронин не тщится поставить себя на один уровень с великими, он ощущает их уровень как естественный для себя – но ведь так и должно быть у крупного писателя.

Упомяну ещё три рассказа в этом же духе: «Страшный сон», «Президентский пример», «Праведник». Эти рассказы без нажима и натуги, легко и просто говорят с нами на высоком государственном уровне, и это не может не вызвать уважение к писателю. Как нельзя не восхититься простой и лёгкой концовкой рассказа «Красная площадь», которую я процитирую:

«И только юродивый, появившийся на паперти перед главным московским храмом, раскачиваясь из стороны в сторону, без устали повторял:

– Прости, Господи, души Красной площади, живые и мёртвые».

Итак, Дмитрий Воронин явно находится на взлёте популярности, и, может быть, на констатации этого факта и стоило бы закончить статью, просто пожелав ему новых успехов.

И всё же я в конце добавлю «ложку дёгтя» (да простится мне этот невесёлый каламбур), опять упомянув о том, с кого я начал статью: о Вячеславе Дёгтеве. Его землячка Лидия Сычёва посвятила смерти Дёгтева и его похоронам на родине (в Воронеже) очерк «После крушения». Дёгтев умер в сорок пять лет (в 2005 г.), и у Сычёвой (как и у многих) возникло такое впечатление, что он надорвался. Он хотел писать русскую патриотическую прозу и за неё получать гонорары – а возможно ли это было в «до-Крымскую» эпоху? Но роль «потомка Куприна» Дёгтев просто обязан был играть, ибо вынужден был содержать две семьи, и обе далеко не бездетные.

В итоге он всё больше думал не о качестве прозы, а о том, где бы ещё получить аванс. Сычёва пишет: «Я, попытавшись прочесть новую его вещь, не осилила больше первых четырёх страниц», и дальше: «как ни странно, но смерть Дёгтева и его похороны оказали на меня большее впечатление, чем его книги. Так может быть?»

Свидетельствую: и у меня от смерти Дёгтева возникло то же впечатление, хотя я, в отличие от Сычёвой, с ним не был знаком. Но понимаю её, когда она в том же очерке о Дёгтеве пишет так: «Мне почему-то зашло в голову: он умер и за меня тоже. Или вместо меня. Это, конечно, была дикая, совершенно ненормальная мысль… И всё же я решила поехать в Воронеж, на похороны».

По-видимому, Дёгтев хотел невозможного, на рубеже XX – XXI веков повторить успех Куприна, Горького, Есенина…словом, тех, кто позиционировал себя в качестве национальных писателей и имел всенародный успех. Теперь вопрос: а кому было бы плохо от этого успеха, кому он мог бы помешать?

На первый взгляд, никому, в том числе, и самым что ни на есть про-западным или пост-модернистским издательствам. Ну почему, в самом деле, не выставить бы книжку Дёгтева сбоку на той же магазинной полке, на которой красуются Василий Аксёнов, Дмитрий Быков и, допустим, Джоан Роулинг?

Увы, вышеприведённый вопрос всего лишь риторический, ибо рынок – вещь невероятно жестокая, отбраковывающая претендентов на таких дальних подступах к успеху, существования которых здравый смысл вообще не допускает, но практика допускает и предписывает. Речь не только о рынке, а о сочетаемости вообще… Самое высокосортное, «элитное» пиво всё равно нельзя добавлять в виски или в водку, получится, извините, «ёрш». Есть весьма неожиданные коктейли, но есть и наука коктейлей, без которой вы просто испортите все ингредиенты, превратив все дорогостоящие составные части в бесполезное пойло. Вот и соседство на одной полке Аксёнова, Быкова, Роулинг и Дёгтева помешает продать всех четырёх авторов (по крайней мере, так рассуждают многие книготорговцы).

Недавно я слушал очередную из бесчисленных радиопередач «тест-драйв» («какую машину купить?»), и спор, как всегда, шёл о выборе иномарок. Что лучше: «Форд» или «Шевроле»? В самом конце передачи один из ведущих с каким-то извиняющимся смешком сказал, что он, конечно, мог бы «задеть патриотические струны» (как он выразился) и посоветовать купить «Ладу», но… Но почему-то даже не попытался закончить собственную фразу.

Это после того, как глава государства демонстративно ездил на «Ладах», после того, как правительством были приняты десятки, а в общем итоге, наверное – сотни постановлений в пользу именно этого, едва ли не единственного отечественного автозавода…

Как бы там ни было, немногочисленные «Лады» всё-таки бегают по нашим дорогам бок о бок с иномарками, а книги Дёгтева если не в магазинах, то в библиотеках достать можно. Я думаю, что, при всех недостатках некоторых его произведений, один том его прозы в нашу литературу войдёт, – но статья всё-таки не о Дёгтеве, а о Дмитрии Воронине.

Боюсь сглазить, но мне кажется, что его писательская судьба в итоге сложится не трагично, а, наоборот, успешно.

И на этом я пока закончу разговор о его прозе, пожелав ему новых литературных достижений.

Александр Андрюшкин

Санкт-Петербург

Об авторе:

Александр Павлович Андрюшкин (1960 г.р.) – прозаик, литературный критик, переводчик, член Союза писателей России. Печатается с 1989 г., его критические статьи публиковались в журналах «Новый мир», «Звезда», «Наш современник» и др., в газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы» и др. Автор романов «Политик» (1994), «Дети Горбачёва» (2016), «Банкир» (2017). В его переводах с фарси опубликовано более десяти романов современных иранских авторов, в переводах с арабского печатались рассказы писателей из Сирии, Ирака, ОАЭ, других арабских стран. Живёт в Санкт-Петербурге. Т.+7-931-535-07-40, эл.почта: ocser@yandex.ru

---

Добавить комментарий

Комментарии